

онъ очень уменъ. Не могу догадаться къ чему такіе вопросы?

Гость:—Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владиміръ... Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ беспорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолебенѣлъ и ни слова не могъ выговорить.—Убійца!—воскликнулъ Владиміръ, — ты мнѣ не вѣрилъ, поди же поцѣлуй ея мертвую руку! — и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его подняли; отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ, или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣ взялъ плащъ и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклиналъ, говорить, но я не вѣрю...

Княжна Софья (въ сильномъ волненіи): — Проклятъ, говорите вы... Онъ уналъ, но ему ничего не сдѣлалось?... Вы не знаете, что значили слова его?—Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

Гость (съ улыбкой):—Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

Княжна Софья:—Въ самомъ дѣлѣ? (Съ досадою въ сторону). Боже, нельзя показать сожалѣнія?

Гость:—Наконецъ, я узналъ, что въ этотъ самый день умерла у Владиміра мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ; но такое бѣшенство, такіе угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

Княжна Софья:—По словамъ, которые вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

Гость:—О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его; вотъ для чего я спросилъ...

Княжна Софья:—Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

Гость (помолчавъ):—Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слышали еще? Она изъ Парижа... это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

Княжна Софья:—Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

Гость:—Извините! Я желалъ вамъ услужить.

Княжна Софья:—Вы очень милостивы...

Гость (раскланиваясь):—Прошу васъ по-

вѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (Уходитъ).

Княжна Софья (одна):—Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Приди нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другого. (Молчаніе).—Что ждетъ меня? Ужасно темнѣетъ предо мной будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизнию. Владиміръ потерялъ мать, любовь отца и долженъ лишиться Наташи. Но первыя два несчастія помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостью. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпкогъ духомъ!.. А тамъ... тамъ, я могу еще надеяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть...

Наташа:—Что онъ тебѣ рассказывалъ?

Княжна Софья:—Про Арбеннина.

Бѣлинскій:—Что такое про Арбеннина?

Княжна Софья:—Не бойтесь.

Бѣлинскій:—Чего жъ мнѣ бояться?

Княжна Софья:—Вы лучше знать должны.

Наташа (тихо):—Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

Княжна Софья:—За его друга?—Нѣтъ... Арбеннинъ потерялъ мать и отъ этого онъ въ отчаяніи. Его приняли за сумасшедшаго. Не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ...

Бѣлинскій:—О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

Княжна Софья:—Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

Бѣлинскій:—Я дружбу принесъ въ жертву любви.

Княжна Софья:—Это очень хорошо... для васъ.

Бѣлинскій:—Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ — двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки; но содержать въ себѣ столько же противныхъ.

Княжна Софья (Наташѣ):—Прошу не протѣиваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и вѣрно господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ? (Наташа при этихъ словахъ покраснѣла).

Наташа:—Да, это правда: Арбеннинъ мнѣ сначала правился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные